

Меланхолия и кризисное мировосприятие как ситуация человека «в своем времени» в первой трети XX в.

Д. В. Андреев✉

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

✉postpostmetameta@yandex.ru

Введение. Оформление модерна в первой трети XX в. связано с частным мироощущением человека этой эпохи, и главной метафорой индивидуального ощущения «своего времени» является меланхолия. Кризисный характер данного исторического периода формирует призму меланхолического мировоззрения. Целью данной работы является обоснование причин восприятия меланхолии как феномена, отчасти вызванного проблемой индивидуального переживания времени. Взаимосвязь меланхолии и модерна уже отмечалась в литературе, данный же текст ставит новый вопрос: каков темпоральный характер этого взаимовлияния?

Методология и источники. Ключевую роль в трактовке понятия меланхолии играют тексты авторов начала XX в.: В. Бенямина, посвященные Ш. Бодлеру, и работа З. Фрейда «Скорбь и меланхолия». Вопрос темпоральности в работе интерпретируется через референс к феноменологической традиции, а именно в отсылке к современному феноменологическому анализу депрессивного расстройства в работе Д. Сика.

Результаты и обсуждение. Автор приходит к выводу, что ощущение взаимосвязи меланхолии и эпохи крайне характерно для человека первой трети XX в., свидетельства чему можно найти в философско-культурной рефлексии этого периода. Кризисное мировосприятие нашло отражение в литературе, живописи, кинематографе, философии, социальной теории и т. д. Таким образом, возможно представление меланхолии как феномена, отчасти вызванного проблемой индивидуального переживания времени. Меланхолия возникает, если кризисное мировосприятие дополняется переживанием циклической темпоральности, исчезновением будущего, озабоченностью прошлым, пассивностью или изоляцией.

Заключение. Если эти элементы объединяются в совокупность, формируется тотальное мироощущение, в котором события реального мира усиливают меланхолию. В этом смысле, с феноменологической точки зрения, меланхолия – это не столько состояние, сколько динамический процесс.

Ключевые слова: меланхолия, модерн, модернизм, современность, темпоральность, мировосприятие, феноменология.

Для цитирования: Андреев Д. В. Меланхолия и кризисное мировосприятие как ситуация человека «в своем времени» в первой трети XX в. // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 4. С. 33–44. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-33-44

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 19-18-00342 «Человек в своем времени: проблематизация темпоральности в европейском интеллектуальном пространстве первой трети XX века»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 17.05.2021; принята после рецензирования 18.06.2021; опубликована онлайн 24.09.2021

Melancholy and Crisis Worldview as the Situation of Man “In His Time” in the First Third of the XX Century

Dmitrii V. Andreenko✉

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

✉postpostmetameta@yandex.ru

Introduction. Shaping modernity in the first third of the twentieth century is tied to the private worldview of the person of this era in which the main metaphor of the individual perception of “their time” is melancholy. The crisis of this historical period forms the prism of melancholic worldview. The goal of this article is to substantiate the reasons for the perception of melancholy as a phenomenon caused in part by the problem of individual experience of time. The relationship between melancholy and modernity has already been noted in the literature, but this text raises a new question – what is the temporal nature of this mutual influence?

Methodology and sources. A key role in the understanding of melancholy is played by the texts of authors of the early 20th century: Walter Benjamin, devoted to Charles Baudelaire and the work of Sigmund Freud “Mourning and Melancholy”. The issue of temporality in the work is interpreted through the reference to the phenomenological tradition, namely in reference to the modern phenomenological analysis of depressive disorder in the work of Domonkos Sik.

Results and discussion. The author comes to the conclusion that the feeling of the interrelation of melancholy and the epoch is extremely specific for a person of the first third of the 20th century, evidence of which could be found in the philosophical and cultural reflection of this period. Crisis worldview is reflected in literature, painting, cinema, philosophy, social theory, etc. Thus, it is possible to represent melancholy as a phenomenon, partly caused by the problem of individual experience of time. Melancholy occurs when a crisis worldview is supplemented by an experience of circular temporality, the disappearance of the future, preoccupation with the past, passivity, or isolation.

Conclusion. If these elements come together, a total worldview is formed in which real world events intensify melancholy. In this sense, phenomenologically speaking, melancholy is not so much a state as a dynamic process.

Key words: melancholy, modern, modernism, modernity, temporality, worldview, phenomenology.

For citation: Andreenko D. V. Melancholy and Crisis Worldview as the Situation of Man “In His Time” in the First Third of the XX Century. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 4, pp. 33–44. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-33-44 (Russia).

Source of financing: The work was supported by a grant of Russian Science Foundation (project No. 19-18-00342 “Man in his time: problematization of temporality in the European intellectual space of the first third of the XX century”).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 17.05.2021; adopted after review 18.06.2021; published online 24.09.2021

Введение. В интерпретации интеллектуальной традиции XX в. западноевропейская культура породила множество ярлыков для описания начала столетия. Это время было охарактеризовано сменой нескольких ярких эпох, названия которых стали клише: *ревущие двадцатые* (Roaring Twenties), *век джаза* (Jazz Age), *золотые двадцатые* (Goldene

Zwanziger). На этот же период выпали Первая мировая война, революции, пандемии испанки и черной оспы. В это же время совершается огромное число важных научных открытий, технологических изобретений и рождаются новые направления в искусстве. В социальной, политической, экономической сферах оформляются тенденции, которые определяют состояние цивилизации на последующие годы: глобализация, урбанизация, эмансипация, но также – усиление контроля в широком смысле и укрепление дисциплинарных институтов. Тотализирующим процессом для наступившего столетия становится модернизация, или, другими словами, оформление современности. Как писал К. Маркс несколькими десятилетиями ранее, «все твердое исчезает в воздухе» [1, с. 46].

Совокупность конкретных преобразований материального мира и повседневной жизни отразилась на частном мироощущении человека этой эпохи, став особым опытом временного переживания, поскольку новые практики современности существенно изменили и ощущение «своего времени». В качестве примера такой трансформации можно рассматривать то, как временная стандартизация изменила восприятие людьми своего тела и повседневной эмоциональной жизни: транспорт, движущийся по расписанию, определяет маршруты и планы горожан; карманные и цеховые часы рабочих отмеряют трудовые смены на заводе; будильник и уличное освещение помогают проснуться или уснуть – всего этого не было до «современности». Утопические проекты новой эпохи (технические, философские, социальные) поставили человека начала XX в. в неустойчивое положение, поскольку под их влиянием привычное прошлым поколениям восприятие времени начало непредсказуемо меняться.

Все это инициировало трансформацию меланхолии как культурного явления [2, р. 31]. Понятие и до того существовавшее в культуре, именно в эту эпоху формирует связь с вопросами темпоральности, поскольку время обрело значимость в жизни человека расцвета модерна. Цель данной статьи – обосновать причины, по которым меланхолия репрезентируется в культурно-философской рефлексии начала XX в. как феномен, вызванный проблемой индивидуального переживания времени. Таким образом, научная новизна обусловлена акцентом на опыте феноменологического анализа в контексте избранного исторического периода – первой трети XX в.

Методология и источники. В начале статьи описана генеалогия концепта меланхолии. Этот шаг необходим для разрешения терминологической проблемы, поскольку в разные времена меланхолией назывались разные состояния. Затем анализируются репрезентации меланхолии в культуре первой трети XX в. В заключительной части работы приводится феноменологический анализ меланхолического мировосприятия с выделением в качестве его структурного элемента изменения в ощущении темпоральности.

Но как определяются границы понятия? Несмотря на то, что в истории понятия «меланхолия» было несколько парадигмальных изменений, процесс накопления теорий устроен так, что новое понимание не отменяет прежнего, как если бы это были теории взаимно отрицающие друг друга, а наслаивается на старое. Это создавало ситуации, в которых противоречащие друг другу теории и концепты существовали одновременно [2, р. 33].

Поскольку с началом XX в. меланхолия получила осмысление как ментальное расстройство, благодаря трудам Э. Крепелина в психиатрии и З. Фрейда в психоанализе, мы предлагаем использовать данную оптику и обратиться к принципу, заложенному в сетевом

методе анализа ментальных расстройств, описанном Д. Борсбумом и А. Крэмер [3, р. 93]. Согласно этой методологии ментальное расстройство отлично от телесного заболевания по нескольким ключевым признакам: у него нет четко определенной причинности (как она может быть в вирусе, вызывающем болезнь), а также нет общей конвенции диагностики (нет главенствующей методологии диагностики расстройства).

На наш взгляд, данная методология позволяет переосмыслить саму идею границ. Описывая меланхолию, мы обычно перечисляем ее симптомы или признаки, которые аналитически связаны друг с другом. Понятие не имеет четко очерченной причинности, а диагностика строится на выявлении свидетельств. Таким образом, набор признаков формирует сеть, состоящую из узлов – симптомов и связей между ними [3, р. 96]. Меланхолия – это именно кластер симптомов, объединенных общими характеристиками, которые определены культурными и медицинскими представлениями эпохи. Чем больше признаков, охарактеризованных как «меланхолические», мы находим в источниках интересующей нас эпохи, тем более полным становится концептуализация меланхолии в конкретный исторический период.

Отталкиваясь от данного предположения, мы выделили ряд работ, подчеркнута меланхолических, что определено авторами или позднейшими комментаторами. Следовательно, нашим критерием отбора является интерес автора начала XX в. к теме связи меланхолии и времени.

Генеалогия меланхолии. В античной традиции меланхолия рассматривалась как физиологическая проблема. Было распространено представление о том, что в теле человека текут четыре основные жидкости (гуморы): кровь, флегма/слизь, желтая желчь и черная желчь. Меланхолия возникает из-за накопления черной желчи в организме [4, р. 144]. Отсюда происходит и само слово: в переводе с древнегреческого «меланхолия» означает «черная желчь» (*melas* – черный, *kholé* – желчь). Черная желчь описывается как холодная и сухая. Меланхолия ассоциируется с черной желчью из-за сходства темного настроения, возможного потемнения цвета кожи и темных дымных испарений от черной желчи. Параллельно существовали представления о том, что избыток черной желчи наравне со склонностью к печали и размышлениям о неблагоприятных вещах также вызывает геморрой, дизентерию и кожные высыпания [Там же]. Как видим, меланхолия относилась к широкому кругу медицинских расстройств.

В Средние века и эпоху Возрождения меланхолия получила космологическое толкование: люди связывали количество черной желчи в организме с астрологическими движениями планеты Сатурн [Там же]. Общее между влиянием Сатурна и меланхолией представлялось в том, что они вызывали холод и сухость [Там же], обладали летаргическим и галлюцинаторным эффектами. Эти силы изображаются двойственными и неоднозначными, поскольку, с одной стороны, ведут к страху, одиночеству и унынию, а с другой – располагают к творчеству. По сродству с другими темными, холодными и сухими элементами меланхолик идентифицировался с природным феноменом. В таком понимании меланхолия охватывала разрозненные сущности не из-за общих причин, а из-за общего набора качеств. Заметим, что различие, существовавшее между меланхоликом как именем нарицательным и меланхолией как расстройством или настроением, создало пространство, ставшее необходимым для появления связки «меланхолия – гениальность» [2, р. 35]. Ассоциация

меланхолии с гениальностью оформилась во влиятельную общекультурную идею западно-европейской истории, которая позже доминировала в ней вплоть до романтического периода в культуре [4, р. 144].

В XIX в. меланхолия получила психологическую интерпретацию: она означала что-то вроде «нервного срыва», оставаясь неясным термином, охватывающим целый ряд состояний, при которых угнетенная эмоциональность не считалась определяющим симптомом [4, р. 145]. Подразумевались общие состояния и расстройства, проявляющиеся не только в виде депрессивных, но и возбужденных, галлюцинаторных, параноидальных и даже безумных состояний. К началу XIX в. гуморальная теория, т. е. представление о четырех важных жидкостях в теле человека, становится все более несовместимой с формирующимся научным способом понимания мира и, следовательно, теряет свое видное место в медицинских объяснениях [Там же].

Две основные фигуры в осмыслении меланхолии начала XX в. – это Эмиль Крепелин и Зигмунд Фрейд. Крепелин использовал биомедицинский подход. Он предложил категории психических заболеваний, состоящие из групп симптомов и прогрессии расстройств. Классифицируя синдромы и составляя кластеры психических заболеваний, основанных на этих синдромах, он установил нормативы для современной психиатрии и показал несостоятельность старых классификационных методов [5, р. 142]. Биомедицинское развитие психиатрии сегодня поместило меланхолию в психиатрический классификатор; она соотносится с большим депрессивным расстройством как подтип [4, р. 147].

Психоаналитическая концепция депрессии Фрейда более повлияла на феноменологическое понимание меланхолии [5, р. 142]. В эссе Фрейда «Скорбь и меланхолия» меланхолия определяется как ответ на утраты из детства, включающие подавленный гнев, направленный против себя. В отличие от нее, скорбь – это естественное переживание в ответ, например, на потерю любимого человека, не требующий клинического вмешательства. В этом смысле скорбь была печалью с определенной причиной. В то время как меланхолия – это беспричинное переживание, хотя симптомы ее сходны со скорбью. Оба состояния основываются на психодинамических процессах, один из которых был сознательным, а другой – бессознательным. Меланхолик не осознает, что проецирует гнев на ранее любимый объект. Это может быть потеря любимого человека или любимой вещи, такой как страна, свобода, идеал и т. д. Она нередко проявляется в отвращении к самому себе с вытекающими отсюда симптомами печали, отсутствия удовольствия и энергии, а также ухода от внешнего мира. Согласно Фрейду оба состояния были сосредоточены на утрате, но природа этой утраты была совершенно различной [5, р. 144].

Отметим, что именно в начале XX в. можно наблюдать разделение между натуралистическим и экзистенциалистским пониманием меланхолии. Если биомедицинский подход развивал психиатрическую диагностику состояний сознания и тела, то для психологически-культурологического анализа важнее чувства индивида, его ощущения и мысли – чувство времени, в частности.

Утрата «своего времени». Состояние меланхолии внедрилось в структуру субъективного именно в переходное время между эпохами. Синонимами меланхолии в социальных теориях расцвета модерна являются такие понятия, как «отчуждение» (Маркс), «аномия» (Дюркгейм), «потеря смысла» (Вебер). Она определяется через процессы, события и

восприятие людей, как особая идея интериоризации мира через острые внутренние вопросы [6, р. 19]. Возникшая феноменология связывает мироощущение отдельного человека с окружающим его миром. Меланхолия модерна трактуется В. Бенямином как особый феномен, в котором на первый план выходят субъективные переживания человека по отношению к логике истории. История становится предметом меланхолической утраты, следовательно, исчезает объект знания. Вместе с тем пропадает интенциональность субъекта по отношению к объекту: он не видит своего объекта и потому не может обратить свое сознание на него. Таким образом, переживания меланхолика обусловлены самой эпохой – временем радикальных перемен в мире.

Изменение ощущения окружающей реальности неизбежно влияло на творчество авторов этой эпохи – писателей, художников, музыкантов и т. д. и легко просматривается. К примеру, яркими эмблемами наступающей меланхолической современности мы можем назвать две картины начала XX в.: «Крик» Э. Мунка и «Angelus Novus» П. Клее.

«Крик» часто интерпретируют как предвосхищение модернистской эпохи. Написанную в 1893 г. картину можно истолковать как выражение агонии уничтожения человеческой личности некой персонифицированной силой [7]. Целое десятилетие на стыке веков отразилось в одинокой фигуре, в темной палитре, в слившихся текучих облаках. «Крик» не дает однозначного ответа на вопрос, чем вызвано это переживание. Это может быть как переживание прошлого, так и фрустрация перед наступающим будущим, ускоряющимся и расширяющимся во всех направлениях одновременно. Фигура застряла в безвременье, не в силах завершить и пережить конфликты и сложности еще недавнего настоящего, но в то же время не имеет возможности проецировать себя в будущее, потому что будущее неясно, неизвестно и потому безнадежно. Мунк считал, что люди – «всею лишь молчаливые пешки, которым дана только одна заповедь: преодолеть слепую игру жизни» [8]. В данном случае под «слепой игрой жизни» можно понимать именно сложно угадываемые и часто разрушительные изменения, заложенные в самой структуре модерна.

Чаще всего образы Мунка описываются в терминах «нервного кризиса» или «депрессии». Проявлением болезненного мироощущения Мунка было периодическое появление мотивов, связанных со смертью и с отношениями между полами. Отражение этого можно проследить в целой серии его полотен под общим названием «Фриз жизни», созданной на стыке веков. Цикл, куда входит и «Крик», посвящен различным аспектам человеческого бытия. В нем мы можем заметить общую меланхоличность сюжетов и образов: это атмосфера глубокой угрозы; отсутствие четко установленных границ между формами, пространствами и цветами; схематичное изображение человеческих фигур или лиц [9, р. 577].

Другой метафорой модерна стала картина Пауля Клее «Angelus Novus». Своей известностью она во многом обязана также Вальтеру Бенямиину, который описывает ее следующим образом: «Двуглавый ангел, одна голова которого обращена в прошлое, а другая – в будущее. Ангел хотел бы остаться в настоящем, пробудить мертвых и восстановить то, что было разрушено. Но из Рая грядет буря, которая с такой силой сносит его крылья, что ангел уже не может их закрыть. Эта буря уносит его в будущее, к которому он повернулся спиной, в то время как груда обломков перед ним только растет». Эта буря, по мнению Бенямина, и есть то, что мы называем прогрессом [6, р. 24].

С одной стороны, ангел, обращенный головой к будущему, указывает на быстрый прогресс и акт устремленности мирового движения к будущему. С другой стороны, этот ангел изображен таким образом, что в своем движении он не может ясно видеть будущее. В то же время взгляд, обращенный в прошлое, никогда не отрывается от того, что остается там. Это врожденное противоречие и можно проинтерпретировать как диалектику европейского модерна, поскольку идея прогресса здесь не уравнивается идеей рецессии, вызванной тяжестью традиций и происходящими катастрофами [6, р. 24].

Вальтер Беньямин рассматривал меланхолию как историческую проблему, связанную с опытом современности. По его мнению, меланхолия – это не личная проблема, требующая лечения или катарсиса. Утрата, по его мнению, не является чем-то, что можно пережить и оставить позади себя. Беньямин связывает меланхолию с серьезными внутренними противоречиями общества в целом, в котором идеи постоянно расходятся, а расколы продолжают углубляться [6, р. 30]. Меланхолия стала для человека модерна средством выражения нового ощущения прогресса [6, р. 23]. Беньямина особенно увлекали тексты Бодлера, в которых показан современный городской житель, новый субъект эпохи модерна. Отметим, что сочетание «Беньямин – Бодлер – модерн» во многом сформировало культурно-интеллектуальную рефлексии и историю самой идеи модерна и человека в нем. Бодлер, по мнению Беньямина, первым крайне точно описал слияние личности с городом и в то же время отчуждение от него [2, р. 65]. Героем нового времени в произведениях Бодлера становится городской фланер – человек, блуждающий по городу, наслаждающийся новым пространством и в то же время отчужденный от любых социальных взаимодействий. Фланерство предполагает форму созерцания городской жизни, вплетенную в ритм пространства, однако неотъемлемо связанную с отстраненностью от происходящего. Появляется этот образ именно с приходом модерна, поскольку новая развивающаяся среда способствовала зарождению индивидуалистического самосознания.

Меланхоличность начала XX в. ярко проявилась в творчестве сразу нескольких шведских писателей. Фланерство отражено в творчестве Яльмара Седерберга, одного из ключевых писателей Швеции начала XX в. Он активно использовал образ Стокгольма и городской жизни в своих произведениях. Его город богемный и тоскующий. В его сюжетах можно найти пересечения с Достоевским, при том, что в них не осталось места для религиозной темы. На экзистенциальные вопросы пытался ответить Пер Лагерквист, лауреат Нобелевской премии по литературе. Он затрагивал в своих текстах вопросы религиозные, этические и социальные. Можно сказать, что Лагерквист использовал модернистские приемы, видоизменяя языковые средства и сам язык, чтобы создать новую метафорику. Меланхоличность же проявлялась у него в том, что его образы взяты не из сферы красивого, гармоничного, а из сферы страшного, болезненного, уродливого.

Вслед за Беньямином Маршалл Берман также считал, что Бодлер более чем кто-либо помог людям своего времени осознать себя представителями модерна [1, с. 168]. Кроме того, Берман выделяет группу первых, по его мнению, авторов модернистской эпохи: Гете, Гегель, Маркс, Стендаль, Бодлер, Карлейль, Диккенс, Герцен и Достоевский. В его понимании это те люди, которые почувствовали дуализм наступающей эпохи, глубокое единство личности и среды в их противоречии. Их образы богаты и глубоки, среда в их произведениях так же важна, как и мысли героев, не потому, что это важно для художественной

поэтики, а потому, что в новое время человек не может быть отделен от окружающего его мира [1, с. 168].

Совершенно иное, болезненное изменение в восприятии мира и времени особенно ярко проявлялось в творчестве писателей межвоенного, или потерянного, поколения. Термин «потерянное поколение» относится к поколению людей, достигших совершеннолетия во время или сразу после Первой мировой войны. Став свидетелями того, что они считали бессмысленной смертью в массовых масштабах во время войны, представители этого поколения отвергли традиционные представления о «правильном» поведении, морали и фиксированных гендерных ролях. Они стали «потерянными» из-за своей склонности действовать бесцельно, даже безрассудно, нередко сосредотачиваясь на гедонистическом накоплении личного богатства. Потерянность можно охарактеризовать как дезориентированность, бесцельность существования – эти чувства преследовали многих выживших после одной из самых ужасных войн в современной истории. В более глубоком смысле потерянное поколение было «потеряно», потому что оно считало консервативные моральные и социальные ценности своих родителей неуместными в послевоенном мире. В литературе этот термин относится к группе американских авторов, среди которых Э. Хемингуэй, Г. Стайн, Ф. С. Фицджеральд и Т. С. Элиот, чьи тексты подробно описывали внутреннюю борьбу людей этого поколения.

Еще один автор, в чьем творчестве ярко проявилась травма пережитого опыта – Отто Дикс – художник и фронтовик Первой мировой войны. Большая часть творчества Дикса связана с реакциями на пережитое им во время войны [10, р. 29]. Его образы – это люди, неспособные или не желающие мириться с ужасами войны. Заметим, что травма, нанесенная войной, в значительной степени оказала влияние именно на темпоральное восприятие мира – это проявилось в разочаровании прошлым и неспособности проецировать будущее.

Можно принять, что меланхолия включает в себя не сугубо личное переживание, а социально обусловленное, которое имманентно связано с внешним миром, со временем, с другими людьми, а также с собственным телом и чувствами в силу непреодолимых барьеров физического окружения, ограничений, установленных другими. В переживании меланхолии и физического заболевания есть общий элемент, поскольку в обоих случаях структура существования трансформируется: мир теряет свою пластичность, «другие» становятся недоступными, а «я» теряет свою способность быть агентом, т. е. способность действия [11, р. 97]. Однако если в случае заболевания такие трансформации считаются временными, то в случае меланхолии они воспринимаются как постоянные. Можно согласиться с Мерло-Понти в том, что с феноменологической точки зрения материальный мир, «другие» и «я» вместе составляют переплетающийся континуум [12, р. 47]. Это означает, что любое изменение нашего отношения к миру проявляется на всех этих уровнях. Это наиболее очевидно в случае болезни: не только наше тело, но и весь окружающий нас мир превращается из комфортной среды в обременительную совокупность травмирующих явлений [13, р. 45]. Соответственно меланхолия – это кризис самой экзистенциальной структуры [14].

Д. Сик пишет, что ощущение неизменности мира возникает от искажения, характерного для меланхолии, когда кажется, что все вокруг застыло вне темпорального движения. Меланхолик теряет доступ к горизонту как будущего (выраженного безнадежностью), так и прошлого (выраженного потерей). Темпоральные структуры жизненного мира играют

фундаментальную роль в осмыслении мира: неспособность поместить события во временную шкалу делает невозможным мышление в терминах причин и следствий, т. е. человек оказывается неспособен придавать смысл миру путем построения последовательных нарративов. Вчера все было понятно как день, сегодня стало совершенно неясным, новым, бессмысленным. Литература и искусство раскрывают несколько различных типов подобного рода потрясений, включая замедление или замораживание времени, параллельное течение времени или его уничтожение близостью смерти [11, p. 176]. Хотя эти переживания индивидуальны, они выражают общий опыт потери контроля над временем, опрокидывая баланс линейных и циклических измерений времени [15].

Переживание меланхолии характеризуется преобладанием циклического времени: если линейное время становится недоступным, мир больше не кажется изменчивым [11, p. 185]. Поскольку ни одно явление не может быть воспринято как исключительное, время течет недифференцированно и порождает опыт постоянства. Из этого следует, что меланхолия выражается в неспособности различать релевантные и нерелевантные элементы жизненного опыта, вследствие чего человек теряет чувство структурированности времени [16].

Меланхолия оказывается также связана с искажениями темпоральности, связанными с проекциями в будущее, такими, как желание или надежда. Они становятся невозможными, потому что пропадает ощущение линейности времени [Там же]. Культура эпохи модерна характеризуется не только отсутствием доверия к миру как месту потенциального улучшения, но и деморализацией, включая потерю личного будущего, стремления к конкретным целям и общий опыт неспособности надеяться [11, p. 125].

Помимо неспособности проектирования будущего меланхоличному мировосприятию свойственно состояние депривации. Бездна включает в себя элемент утраты, т. е. отсылку к качеству, которое раньше характеризовало мир, но больше этого не делает. Утрата значимого объекта, символического или материального, приводит к тому, что можно метафорически назвать «неполной смертью»: мир, каким он был раньше, частично разрушается этой утратой, делая жизнь, связанную с потерянным объектом, переживаемой как фундаментально неизменной. Этим можно объяснить возникновение суицидальных мыслей как попыток завершения незавершенной смерти: будущее характеризуется не только отсутствием обнадеживающих событий, но и невозможностью надежды как таковой [11, p. 116].

Разрушение горизонта будущего влияет и на отношение к прошлому. Отсутствие перспектив для продвижения вперед делает последствия прошлых деяний окончательными. Если ошибки прошлого невозможно исправить, то свобода становится ловушкой: переживания преследуют человека, что приводит к чувству экзистенциальной вины. В отличие от обычного чувства вины за какое-то действие, экзистенциальная вина – это общее состояние, которое перестраивает отношение человека к самому себе и к другим [11, p. 133]. Если ошибки считать непоправимыми, то чувство утраты мешает отождествлению с собственным прошлым, а это, в свою очередь, не позволяет ощущать жизнь как связное повествование. Поэтому экзистенциальная вина постепенно вторгается в мысли меланхолика, и без шанса на спасение в будущем она становится единственным источником его озабоченности [11, p. 194].

Можно сделать вывод о том, что, когда циклическое время наполняется повторяющимся навязчивым содержанием, экзистенциальная вина способствует воспроизводству кризисного мировосприятия. В этом смысле экзистенциальное чувство вины входит в обременительный, неизменный, безнадежный мир, что в совокупности держит меланхоликов в постоянном стрессе. Вследствие переживания неразрешимых утрат, чувства вины и безнадежности у человека постепенно пропадает способность принимать решения. Это вызвано тем, что свобода никогда не переживается как особое чувство, но как состояние мира, позволяющее человеку реализовать свой потенциал. В случае меланхолии этот горизонт сменяется таким, в котором любые действия представляются совершенно бесполезными. Различные формы утраты свободы воли могут включать потерю целей, отсутствие мотивации, общее чувство бессмысленности или полную пассивность и безразличие [11, р. 170].

Результаты и обсуждение. Рассмотрев аспекты, из которых формируется тело меланхолии, можно воссоздать ее структуру. Таким образом, меланхолия не выделяется в некую причинную сущность со своей симптоматикой. Напротив, именно описанные симптомы и создают меланхолию как переживаемый феномен, состоящий исключительно из наблюдаемых репрезентаций общего мироощущения. Поскольку элементы структуры связаны между собой, то ни один из них не сводим к какому-то одному исключительному. В этом отношении меланхолию можно сравнить с комплексными ментальными расстройствами.

В феноменологическом смысле субъективное прошлое перестало быть значимым, поскольку реальность модерна радикально поменяла привычный опыт. Субъективный травматичный опыт остался непереработанным и нередко провоцировал непроходящее чувство вины. В то же время человек потерял способность проецировать себя в будущее, поскольку планы зачастую подменялись утопическими обещаниями. С другой стороны, было бы неверно воспринимать меланхолию единственно как психологический феномен, о чем свидетельствует культура модерна. Меланхолия становится феноменом *экзистенциальным*, связывая в единый узел внутреннее и внешнее.

Заключение. В своей работе мы показали, что меланхолия возникает, если кризисное мировосприятие дополняется переживанием циклической темпоральности, исчезновением будущего, озабоченностью прошлым, пассивностью или изоляцией. Все это крайне характерно для первой трети XX в., что мы продемонстрировали, приводя примеры культурной рефлексии этой эпохи. Слово «современный» стало использоваться для характеристики субъективного переживания ощущения, что собственное настоящее время является случайным, мимолетным и ускользающим, а само течение времени связано с ощущением, что окружающий мир вечно ускользает от понимания. Включение темпорального аспекта в интерпретацию меланхолии придает ей самой динамический характер: в этом смысле, с феноменологической точки зрения, меланхолия – это не столько состояние, сколько процесс, сопровождаемый взлетами и падениями, победами и поражениями.

Безусловно, начало XX в. не сводимо к тотальной и беспросветной меланхолии. Глобальные тенденции, определившие облик мира на столетие вперед, не стали исключительно негативными феноменами. Но приход модерна повернул мир в новом направлении, и радикальный переход от старого режима существования к новому не мог пройти бескризисно. Меланхолия стала такой рефлексией на смену режимов, хотя с течением времени она сама трансформируется вместе с режимом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берман М. Все твердое растворяется в воздухе. М.: Горизонталь, 2020.
2. Flatley J. Affective Mapping: melancholia and the politics of modernism. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2008. DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674036963>.
3. Borsboom D., Cramer O. J. Network analysis: An integrative approach to the structure of psychopathology // Annual Review of Clinical Psychology. 2013. Vol. 9. P. 91–121. DOI: <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-050212-185608>.
4. Varga S. From Melancholia to Depression: Ideas on a Possible Continuity // Philosophy, Psychiatry & Psychology. 2013. Vol. 20, no. 2. P. 141–155. DOI: <https://doi.org/10.1353/ppp.2013.0021>.
5. Lawlor C. From melancholia to prozac: A history of depression. New York: Oxford University Press, 2012.
6. Unni K. P. Reimagining the “Loss” and Reinventing the Space: The Dialectics of European Melancholy // Abjection and Abandonment. 2019. P. 19–31. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-15-1029-8_2.
7. Munch E. The Scream. 1893. URL: <https://www.edvardmunch.org/the-scream.jsp> (дата обращения: 15.04.2021).
8. Prideaux S. Edvard Munch: Behind the scream. London: Yale University Press, 2012.
9. Edvard Munch: the collision of art and mental disorder / V. Y. Skryabin, A. A. Skryabina, M. V. Torrado, E. A. Gritchina // Mental Health, Religion & Culture. 2020. Vol. 23, no. 7. P. 570–578. DOI: <https://doi.org/10.1080/13674676.2020.1777537>.
10. Murray A. Reformed masculinity: trauma, soldierhood and society in Otto Dix's War Cripples and Prague Street // Artefact: Journal of the Irish Association of Art Historians. 2012. Vol. 6. P. 16–31. URL: <https://cora.ucc.ie/handle/10468/770?show=full> (дата обращения: 21.04.2021).
11. Ratcliffe M. Experiences of depression. Oxford: Oxford University Press, 2015.
12. Merleau-Ponty M. The visible and the invisible. Evanston: Northwestern University Press, 1968.
13. Van den Berg J. H. A different existence: Principles of phenomenological psychopathology. Pittsburgh: Duquesne University Press, 1972.
14. Fernandez A. V. Depression as existential feeling or de-situatedness? Distinguishing structure from mode in psychopathology // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2014. Vol. 13, no. 4. P. 595–612. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11097-014-9374-y>.
15. Abnormal time experiences in major depression: An empirical qualitative study / G. Stanghellini, M. Ballerini, S. Presenza et al. // Psychopathology. 2016. Vol. 50, no. 2. P. 125–140. DOI: <https://doi.org/10.1159/000452892>.
16. Sik D. From Naturalized Suffering to Futile Ownership – A Genealogy of the Depressed Life-world // J. of Historical Sociology. 2020. Vol. 33, no. 4. P. 546–566. DOI: <https://doi.org/10.1111/johs.12305>.

Информация об авторе.

Андреев Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры социальной философии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, 620002, Россия. Автор 5 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия психиатрии, политизация ментальных расстройств, репрезентации депрессии, социальное конструирование субъектности. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3081-7287>. E-mail: postpostmetameta@yandex.ru

REFERENCES

1. Berman, M. (2020), *Vse tverdoe rastvoryaetsya v vozdukhe* [All that is solid melts into air], Gorizonta!, Moscow, RUSS.

2. Flatley, J. (2008), *Affective Mapping: melancholia and the politics of modernism*, Harvard University Press, Cambridge, Mass., USA. DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674036963>.
3. Borsboom, D. and Cramer, O.J. (2013), "Network analysis: An integrative approach to the structure of psychopathology", *Annual Review of Clinical Psychology*, vol. 9, pp. 91–121. DOI: <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-050212-185608>.
4. Varga, S. (2013), "From Melancholia to Depression: Ideas on a Possible Continuity", *Philosophy, Psychiatry & Psychology*, vol. 20, no. 2, pp. 141–155. DOI: <https://doi.org/10.1353/ppp.2013.0021>.
5. Lawlor, C. (2012), *From melancholia to prozac: A history of depression*, Oxford University Press, New York, USA.
6. Unni, K.P. (2019), "Reimagining the 'Loss' and Reinventing the Space: The Dialectics of European Melancholy", *Abjection and Abandonment*, pp. 19–31. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-15-1029-8_2.
7. Munch, E. (1893), *The Scream*, available at: <https://www.edvardmunch.org/the-scream.jsp> (accessed 15.04.2021).
8. Prideaux, S. (2012), *Edvard Munch: Behind the scream*, Yale University Press, London, UK.
9. Skryabin, V.Y., Skryabina, A.A., Torrado, M.V. and Gritchina, E.A. (2020), "Edvard Munch: the collision of art and mental disorder", *Mental Health, Religion & Culture*, vol. 23, no. 7, pp. 570–578. DOI: <https://doi.org/10.1111/johs.12305>.
10. Murray, A. (2012), "Reformed masculinity: trauma, soldierhood and society in Otto Dix's War Cripples and Prague Street", *Artefact: Journal of the Irish Association of Art Historians*, vol. 6, pp. 16–31, available at: <https://cora.ucc.ie/handle/10468/770?show=full> (accessed 21.04.2021).
11. Ratcliffe, M. (2015), *Experiences of depression*, Oxford University Press, Oxford, UK.
12. Merleau-Ponty, M. (1968), *The visible and the invisible*, Northwestern University Press, Evanston, USA.
13. Van den Berg, J.H. (1972), *A different existence: Principles of phenomenological psychopathology*, Duquesne University Press, Pittsburgh, USA.
14. Fernandez, A.V. (2014), "Depression as existential feeling or de-situatedness? Distinguishing structure from mode in psychopathology", *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, vol. 13, no. 4, pp. 595–612. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11097-014-9374-y>.
15. Stanghellini, G., Ballerini, M., Presenza, S. et al. (2016), "Abnormal time experiences in major depression: An empirical qualitative study", *Psychopathology*, vol. 50, no. 2, pp. 125–140. DOI: <https://doi.org/10.1080/13674676.2020.1777537>.
16. Sik, D. (2020), "From Naturalized Suffering to Futile Ownership – A Genealogy of the Depressed Lifeworld", *Journal of Historical Sociology*, vol. 33, no. 4, pp. 546–566. DOI: <https://doi.org/10.1111/johs.12305>.

Information about the author.

Dmitrii V. Andreenko – Postgraduate at the Department of Social Philosophy, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira str., Ekaterinburg 620002, Russia. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: philosophy of psychiatry, politicization of mental disorders, representations of depression, social construction of subjectivity. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3081-7287>. E-mail: postpostmetameta@yandex.ru